

ПРОТИВ «ЛИТЕРАТУРЫ БЛАГОНАМЕРЕННЫХ УСИЛИЙ...»

ЗАПРЕЩЕННАЯ ЦЕНЗУРОЙ РЕЦЕНЗИЯ ЩЕДРИНА (1864 г.)

Статья С. А. Макашина

Публикация В. Э. Богграда

В марте 1864 г. в печати появилась комедия Ф. Н. Устрялова «Чужая вина». Месяцем ранее она была поставлена на сцене Александрийского театра. Темой пьесы была необходимость поисков «положительных сторон» в современной русской жизни. Автор, популярный в ту пору драматург, по своим политическим взглядам либерал, стремился противопоставить «отрицательным» героям «нигилистической» литературы (в первую очередь Рахметову) «положительный» тип новейшего «русского деятеля». «Современник» не замедлил откликнуться на эту литературно-театральную новинку. В майском номере журнала появилась необычная по форме рецензия: характеристика устряловского сочинения — его художественной беспомощности, его охранительной тенденции — была дана в форме злой пародии на пьесу. Рецензию эту написал Щедрин. Хотя, как было принято в то время, она появилась без подписи, осведомленные современники, конечно, догадывались, чьему перу принадлежит эта ядовитая издевка над «литературой благонамеренных усилий». В список статей Щедрина отзыв на «Чужую вину» был введен лишь через десять лет после его смерти — в книге А. Н. Пыпина «М. Е. Салтыков» (СПб., 1899, стр. 237; позже указание Пыпина документально подтвердилось гонорарными ведомостями «Современника» — см. «Лит. наследство», т. 53-54, 1950, стр. 271). Рецензия была включена в пятый том Полного собрания сочинений Щедрина (1937 г.); источником перепечатки послужил журнальный текст. Но, как теперь выяснилось, этим текстом не исчерпывался отзыв Щедрина на пьесу Устрялова. Публикуемый по гранкам текст рецензии, найденный В. Э. Богградом (Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 111, А. Н. Пыпина, ед. хр. 174), доказывает, что напечатанная в «Современнике» пародия на устряловскую комедию — не более как фрагмент написанной Щедриным литературно-критической статьи. В авторской рукописи пародия предшествовала собственно критической или аналитической части. Именно в ней наносился основной удар и по сочинению Устрялова, и по тому реакционному направлению «положительного нигилизма», к которому оно принадлежало. Пародия лишь сатирически заостряла этот удар.

Можно не сомневаться, что отсечение теоретической части рецензии от пародии произошло не по воле автора. Однако в документах официальной цензуры мы не нашли прямых свидетельств ее причастности к этому отсечению. Единственный след цензурного вмешательства можно предположить в одном из типографских счетов за набор пятой книжки «Современника» 1864 г. Здесь имеется рубрика: «Цензурой запрещено...». В рубрике назван ряд статей, и перечень их завершается записью: «В разных местах изъято — 1⁵/₈ п. л.» (В. Е. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в. Последние годы «Современника» 1863—1866. Л., 1939, стр. 84). Возможно, что в число этих 1⁵/₈ п. л. или 26 страниц материалов, вычеркнутых рукою цензора из майской книжки, входили и те страницы, которые были заняты первой частью рецензии на «Чужую вину».

О том, что сам Щедрин не отказывался от напечатания первого раздела рецензии, свидетельствует косвенно еще одно обстоятельство. Спустя четыре года Щедрин повторил некоторые положения и опубликовал небольшую часть запрещенного текста в августовском номере «Отечественных записок» 1868 г., в отзыве о другом «самоновейшем произведении положительного нигилизма», пьесе Н. И. Чернявского «Гражданский брак» (VIII, 300—308).

Итак, корректурные гравки, найденные в бумагах Пыпина, возвращают литературно-критическому наследию сатирика еще одну статью, проникнутую духом непримиримой борьбы с реакцией, блестящую всеми красками щедринского полемического таланта.

Щедрин выступает с типичной для шестидесятых годов критикой «по поводу». В центре его внимания — не столько пьеса Устрялова, сколько породившие ее социальные и политические явления. После 1863 г., после расправы с революционным движением внутри России и с национально-освободительным движением в Польше, обстановка в стране характеризовалась — вплоть до кануна семидесятых годов — неуклонным нарастанием реакционного курса в правительстве и реакционных настроений в обществе. Привилегированные круги совершают в это время резкий поворот от недавнего «либерализма», от сочувствия всяким «реформам» и «прогрессам» к открытой поддержке существующего строя, к прямому участию в разработке и пропаганде охранительной идеологии. В литературе возникает целая «школа» сочинительства, поставившая своей задачей, — как пишет Щедрин, — «отыскивать в русской жизни так называемые положительные стороны» и «положительные типы». Эта «школа» и разоблачается в рецензии на пьесу Устрялова.

Как обычно, Щедрин ведет свою речь на эзоповом языке, прибегая, в частности, к одному из своих излюбленных приемов — к приему мнимого сочувствия враждебным теориям и взглядам. Один из великих «писателей отрицания» (так Бернард Шоу называл Рабле, Свифта и других сатириков мировой литературы), Щедрин много и пристально думал о положительном в русской жизни и русском человеке. «Новая русская литература, — утверждал он в программной статье 1868 г. «Напрасные опасения», — не может существовать иначе, как под условием уяснения тех положительных типов русского человека, в отыскании которых потерпел такую громкую неудачу Гоголь» (VIII, 58). И это был далеко не единственный раз, когда Щедрин указывал демократической литературе на необходимость поисков и определения тех сил, которые были бы способны преобразовать общественные порядки в России, обновить ее культурную, экономическую и политическую жизнь. Очевидно, что эти силы, будучи *положительными* для дела демократических преобразований, являлись *отрицательными* по отношению к существующему строю, к разрушению которого они были исторически призваны. И, напротив того: всякого рода проекты «положительных программ», идеальные образы «положительных деятелей» русской жизни, выдвигавшиеся сторонниками сохранения существующего порядка вещей, были враждебны, «отрицательны» для противников этого порядка. Так в каждое из понятий «положительного» и «отрицательного» вкладывается два противоположных смысла. Это и есть своего рода ключ к иносказаниям и намекам публикуемой рецензии, достаточно, впрочем, прозрачным.

Щедрин начинает разбор пьесы Устрялова с указания на принадлежность ее к «новому роду сочинительства, который все более и более ищет утвердиться» в русской литературе. Несколько ниже это сочинительство определяется как «*хорошее направление*» и как «*львовская школа*» — по имени ее «родоначальника», драматурга Н. М. Львова, весьма популярного в пору общественного подъема конца 1850-х годов. Позднее, в упомянутой выше рецензии 1868 г. на пьесу Н. И. Чернявского «Гражданский брак», Щедрин писал о «*новой школе*» («*необульгаринской*»), что она «поставила целью своих усилий утверждать утвержденное, защищать защищенное и ограждать огражденное» (VIII, 300). Другими словами, это — охранительное направление, которое средствами литературы призвано было ограждать еще прочный дворянско-помещичий строй, находившийся под защитой самодержавно-полицейского государства. В той же рецензии на «Гражданский брак» определяется дата возникновения новой школы:

1862 год (с оговоркой: «...за исключением, впрочем, г. Львова, который расцвел и увял гораздо ранее». — VIII, 302) — год перелома в политическом движении шестидесятых годов, год крутого поворота правительства к активному контрнаступлению, год перехода привилегированного общества от недавнего либерализма к реакции, к безоговорочной поддержке самодержавия в его борьбе с революцией.

В 1868 г., в преддверии нового демократического подъема в России и в условиях известного смягчения цензурного гнета, Щедрин смог дать в рецензии на «Гражданский брак» достаточно откровенную политическую характеристику «львовской» или «необульгаринской школе» в литературе. В комментируемой рецензии, писавшейся в обстановке сильного нажима реакции в 1864 г., Щедрин для обозначения тех же самых враждебных явлений должен был прибегнуть к иносказаниям эзопова языка. Но несмотря на это, спасти рецензию от цензурной ампутации Щедрину не удалось.

Некоторые иносказания публикуемого текста в наши дни требуют пояснений.

Почему, на какой почве возникла литература, устремившаяся к поискам «положительных сторон» в русской жизни? Щедрин объясняет это так: *«Русские сочинители убедились, что относиться отрицательно к жизненным явлениям невозможно, что это занятие фальшивое и невыгодное, что, наконец, в виду известных данных, громко вопиющих о прогрессе, оно не только не своевременно, но и несправедливо»*. Здесь Щедрин имеет в виду те аргументы либеральной оппозиции шестидесятых годов, которыми ее участники, среди них и литераторы, пытались оправдывать свой трусливый, предательский отход от критики режима — *«отрицательного» к нему отношения*. После некоторого политического недовольства, выразившегося, по словам Ленина, в попытках «ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений» (Соч., т. 5, изд. 4, стр. 24), либералы в кульминационный момент движения шестидесятых годов перешли к полной поддержке правительства и существенно облегчили ему разгром революционного лагеря. Эта поддержка, объяснявшаяся классовыми интересами либерально-дворянской группы, усиленно маскировалась ссылками на прогрессивность правительства Александра II и его реформ. По мнению К. Д. Кавелина, «реформаторская деятельность правительства надолго обеспечила России нормальное течение здорового прогресса». Иронические слова Щедрина — об *«известных данных, громко вопиющих о прогрессе»* — относятся к реформам и к либерально-апологетическим оценкам этих реформ, подобных кавелинской.

Ведя речь от имени автора, славословящего результаты правительственных реформ, Щедрин предлагает отличать *«прогресс истинный»* от *«прогресса преувеличенного»*. Ясно, что *«прогресс истинный»* — реальные итоги реформы 1861 г., крепостнической по своему характеру, удовлетворившей лишь либерально-дворянскую группу, но оставившей крестьянина нищим, забытым, темным, подчиненным помещику-крепостнику, реформы, не осуществившей ни одной из надежд на политическую демократизацию режима. *«Прогресс преувеличенный»* — те требования радикальных общественных преобразований в интересах народных масс, прежде всего крестьянства, которые были направлены прямо против существовавшего порядка. Выразителями этих требований были революционные демократы.

Указав на существование двух «прогрессов» — «истинного» и «преувеличенного» — Щедрин, по-прежнему выступающий под маской благонамеренного автора, разъясняет, к чему ведет непонимание той «очевидности», что «первым следует удовлетворяться, а второго избегать». *«Относиться отрицательно к жизненным явлениям»*, то есть находиться в оппозиции к существующему строю, — продолжает автор рецензии свои рассуждения, — не только *«невыгодно»*, в смысле *«устройства своей карьеры»*, но и небезопасно даже для самой жизненной судьбы своей. Всякому стороннику «прогресса преувеличенного», действующему *«слишком назойливо и настоятельно»*, то есть активному участнику революционного движения или последовательному писателю-демократу, *«благовоспитанное большинство»* — привилегированная верхушка общества — говорит: *«Погоди: разве ты не видишь? и если деятель продолжает не видеть, то без церемоний отменяет его от общения с жизнью и от участия в ее увеселениях»*. Этими строками Щедрин и редакция «Современника» хотели откликнуться прежде

всего на расправу самодержавия с Чернышевским: приговор ему был утвержден Государственным советом и Александром II 7 апреля 1864 г., обряд гражданской казни на Мытнинской площади совершен 19 мая, а пятый номер «Современника», из которого был изъят комментируемый текст, цензурировался 14 мая и 10 июня, вышел же в свет 14 июня. Вместе с тем эти строки содержали намек на судьбу не только Чернышевского, но и М. Михайлова, В. Обручева, Н. Серно-Соловьевича и всех других «революционеров 61 года» (Ленин), отмеченных «от общения с жизнью» каторжными приговорами правительства.

Констатируя, что «русские сочинители» (имеются в виду литераторы дворянско-либерального лагеря) «убедились, что отрицательное отношение к действительности невыгодно, и, убедившись в этом, бросились отыскивать в русской жизни так называемые положительные стороны», Щедрин переходит к характеристике самой «положительной литературы». Он вновь возвращается в этой связи к драматургу Н. М. Львову, которого считает родоначальником литературы «благонамеренных усилий», подготовившим новейшее направление «положительного нигилизма», и к его обличительной комедии «Свет не без добрых людей» (1857 г.). Из этой пьесы, имевшей когда-то громкий успех, а также другой, не названной в рецензии — «Предубеждение, или Не место красит человека» (1858 г.; именно в этой пьесе выведен упомянутый Щедриным идеальный *становой пристав*), — Щедрин извлекает корень «львовской школы» — старинную, еще Фонвизиним данную формулу либерального обличительства: «Законы святы, да исполнители — лихие супостаты». Иначе говоря, «*божий мир*», то есть существующий порядок «прекрасен»*, и «людям остается только скромнее себя вести», то есть верить в справедливость сложившейся общественной системы и честно служить ей, не помышляя о радикальных преобразованиях и лишь содействуя устранению частных недостатков и погрешностей.

Именно таких «деятелей», лояльных критиков отдельных злоупотреблений, сторонников теории малых дел, молчалинской программы умеренности и аккуратности и возвеличивает благонамеренная литература, поставившая своей целью отыскивать в современной русской жизни положительные типы. Называемые Щедриным имена литературных героев, персонифицирующих «хорошее направление», взяты из шумевших в ту пору произведений «антинигилистической» литературы: *Русанов* из романа В. П. Ключникова «Марево», *Вертяев* («современный Молчалин») из комедии Ф. Н. Устрялова «Слово и дело», *Зарновский* из «Чужой вины».

Эти сочинители, — утверждает Щедрин, — *действуют «под обаянием публицистов «Голоса» и «Московских ведомостей»*. Таким сближением Щедрин указывает на еще один признак консолидации антидемократических сил в условиях натиска реакции. Газета Краевского «Голос» в начале 1860-х годов была главной трибуной российского либерализма. «Московские ведомости» Каткова, ранее тоже либеральные, после подавления польского восстания 1863 г. стали выразителями мнений всей официальной правящей России. Но это различие — мнимое, чисто внешнее. В главном вопросе либералы выступают единым фронтом с лидерами официальной идеологии: и те, и другие ратуют за «положительное» — по отношению к существующему режиму — развитие литературы и других форм идеологии.

Щедринская критика Львова и его «школы» «благонамеренных усилий», возродившейся в 1862—1863 гг. при зареве провокационных петербургских пожаров, среди правительственных репрессий и ренегатства либералов, — критика эта представляет интерес и в другом плане, в плане литературной биографии Салтыкова. У него были некоторые личные основания объединить свой очередной удар по реакционной литературе тех дней с критикой либерально-обличительной драматургии Львова — явления, казалось бы, уже устаревшего.

* В рецензии 1863 г. на роман Лажечникова «Немного лет назад» Щедрин писал «Например, г. Лажечников вполне уверен, что в настоящее время Россия представляет собой земной рай, — и я верю, что он искренне верит этому. Для него задачей всей его жизни, раем всех его помыслов было уничтожение крепостного права; как скоро событие это совершилось, то вместе с ним совершилась вся задача его жизни, вместе с ним опустился на землю рай его помыслов» (V, 260).

Дело в том, что в свое время не кто иной как Чернышевский литературно облизил Щедрина и Львова, упомянув их как представителей одного направления. В «Заметках о журналах» за март 1857 г. Чернышевский сочувственно отозвался о той самой пьесе Львова «Свет не без добрых людей», которая, по позднейшему суждению Щедрина, явилась одним из основополагающих программных произведений «нового рода сочинительства», направленного на отыскание «положительных» сторон в русской жизни и пытавшегося создать тип идеального чиновника — безукоризненно честного, в меру либерального, но всецело преданного правительству.

Вот что писал Чернышевский: «Комедия г. Львова написана в том духе, который стал входить в моду с тяжелой руки г. Щедрина. Нам нет надобности много говорить о своем полном сочувствии к этому прекрасному истинно дельному направлению, которое с восторгом принято всей публикой. Очевидно также, что комедия г. Львова находится в близкой связи с комедией графа Соллогуба „Чиновник“, — ова разоблачает тип праздных, ни к чему не способных и однако же способных на многое дурное людей» (Чернышевский, т. IV, стр. 735—736). Таким образом, Чернышевский первоначально возлагал на Львова (а также и на Соллогуба) определенные надежды и даже склонен был видеть в Львове, как свидетельствует его письмо к Некрасову от 13 февраля 1857 г., больший талант, чем у Щедрина (там же, т. XIV, стр. 341). Очень скоро, однако, руководители «Современника» от такой оценки отказались. В статьях Чернышевского и Добролюбова о «Губернских очерках» (1857 год, июньский и декабрьский номера журнала) Щедрин был принципиально и резко отделен от писателей, воспевающих «честную службу» и возвышающих «добродетельных чиновников» до значения ведущих общественных деятелей. Что касается Львова, то Добролюбов поместил в июньском номере «Современника» за следующий, 1858 г. уничтожающий отзыв о его второй комедии — «Предубеждение, или Не место красит человека». Добролюбов вскрыл в творчестве Львова те самые элементы казенно-официальной идеологии, которые дали Щедрину основание отнести этого писателя к основоположникам школы «благонамеренных усилий».

Казалось бы, ранняя формулировка Чернышевского, объединявшая автора «Губернских очерков» с представителями правого крыла в обличительной литературе, какими были граф Соллогуб и Львов, не могла уже тревожить Щедрина. Однако повод вспомнить о ней имелся. Он возник вместе с опубликованием статьи Писарева «Цветы невинного юмора», явившейся важным звеном полемики между двумя радикально-демократическими журналами «Современником» и «Русским словом», которая вспыхнула в 1864 г. и которую Достоевский окрестил «расколом в нигилистах».

Поставив в своей статье-памфлете задачу идейно дискредитировать Щедрина в мнении передовой молодежи, Писарев пытался изменить взгляд на автора «Сатир в прозе» как на серьезного литератора и убежденного демократа. Он рисовал его безобидным юмористом, представителем особого вида «чистого искусства» — «смеха ради смеха», к тому же беспринципным человеком, способным из тщеславия, из желания всегда и непременно считаться в первом ряду прогрессистов производить в своих убеждениях «разные маленькие передвижения», приводящие к полному повороту, к полной смене общественных позиций. Для доказательства этой способности, будто бы присущей Щедрину, Писарев привел следующий пример:

«В конце пятидесятых годов, — писал критик, — г. Щедрин своим отрицанием со- оружал фигуру идеального чиновника Надимова; но, по свойственной ему осторожности, автор „Губернских очерков“ не произнес в этом направлении последнего слова; это слово, как известно, было произнесено графом Соллогубом, которого наши добрые соотечественники сначала на руках носили, а потом, разумеется, осмеяли. Когда великосветский литератор таким образом опростоволосился, когда идеальный чиновник был доведен до последних границ картонности трудами чувствительных писателей, подобных г. Львову, тогда г. Щедрин, счастливо выбравшийся из этого кораблекрушения, тотчас начал растирать в порошок фигуру Надимова и притом растирать ее тем же самым отрицанием, которым он ее соорудил. Из тона г. Каткова он перешел в тон Добролюбова» (Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах, т. II, М., 1955, стр. 341).

Таким образом, Писарев повторил давно уже отвергнутое в демократической критике сближение Щедрина конца пятидесятых годов с либеральными обличителями — графом Соллогубом и Львовым. Более того, Писарев выступил с утверждением, будто не кто иной, как Щедрин и подготовил своими «Губернскими очерками» фигуру Надимова, героя соллогубовской пьесы «Чиновник», — своего рода образчик для воспроизведения в правообличительной литературе множества подобных фигур добродетельных чиновников, возведенных в ранг двигателей российского прогресса.

Щедринская критика Львова и его «школы» была ответом на ту часть статьи Писарева, где он превращал автора «Губернских очерков» в одного из основоположников либерально-благонамеренного направления в обличительной литературе; Щедрин в своем ответе показал себя убежденным и постоянным врагом этого фальшивого направления.

В рецензии на «Чужую вину» имеется и другой отголосок спора Щедрина с Писаревым.

Полемика «Современника» с «Русским словом» была одним из проявлений кризиса демократического движения в России — кризиса, наступившего в результате спада революционной волны 1859—1861 гг. В основе разгоревшейся дискуссии лежали споры вокруг путей дальнейшего развития страны и тактики демократов в новых условиях, когда надежды на массовое движение, на народную революцию оказались тщетными. В некоторой части демократической интеллигенции возникли далекие от политической реальности планы освобождения страны и народа без помощи революции. Отдал дань этим настроениям и Писарев. В ряде своих статей 1863—1864 гг., в том числе и в «Цветках невинного юмора», Писарев развил свою утопию о социалистическом преобразовании России путем обращения к науке. Свои надежды Писарев связывал, в первую очередь, с распространением в среде «образованных классов» русского общества естественнонаучных знаний. Он утверждал: «Тут-то именно, в самой лягушке-то и заключаются спасение и обновление русского народа» («Мотивы русской драмы». — Соч., т. II, стр. 392). При этом Писарев не исключал из истории революцию, как двигатель событий: «Народное чувство, народный энтузиазм, — заявлял он, — остаются при всех своих правах; если они могут привести к цели быстро, пускай приводят» («Цветы невинного юмора» — там же, стр. 364). Но в данной исторической ситуации, на данной исторической ступени, когда выяснилась неподготовленность народных масс к борьбе за свое освобождение, «единственно верным путем» к достижению «конечной цели» Писарев считал «путь умственного развития», путь пропаганды научных знаний (там же).

Щедрин резко протестовал против такой точки зрения, считал, что она уводит от политики и на деле ведет к отказу от борьбы с общественным злом. В своих полемических выступлениях он не раз предупреждал, что путь Писарева и группы «Русского слова» таит в себе «опасность измены». Такое предупреждение содержалось в завуалированной форме и в запрещенной части рецензии на устряловскую «Чужую вину». Щедрин ставит вопрос: «Что усматривает перед собой писатель, действующий на почве отрицательной?» И отвечает: одни «свинные рыла». «Ясно, — иронически резюмирует далее Щедрин, — что таким свинорыльством удовлетвориться нельзя. Даже критики строгие и наименее благосклонные к свинным рылам, как, например, г. Писарев, и те советуют оставить их в покое, и те говорят: довольно! давайте-ка, пощем чего-нибудь положительного; достаточно разрушать, будемте создавать!».

Совет оставить в покое «свинные рыла» и обратиться к чему-нибудь «положительному» — это полемический отклик на писаревское поучение Щедрину из «Цветов невинного юмора»: бросить Глупов, оставить его в покое и обратиться к созидательному труду популяризатора естественно-научных знаний. Таким образом, Щедрин сближает свой «Глупов» — мощное сатирическое обобщение всего «порядка вещей» царской России, всего того отрицательного в русской жизни, что подлежало безусловному уничтожению, — с аналогичным гоголевским обобщением — «свинные рыла».

Публицисты и беллетристы львовской школы, — заявляет Щедрин, — убедились в том, что «ветхий мир» уже лежит в развалинах и что «на этих развалинах следует создать новые монументы и искать примирения». Эти иносказания прозрачны. «Вет-

КАРИКАТУРА НА ЛИБЕРАЛЬСТ-
ВУЮЩИХ ЧИНОВНИКОВГравюра П. Куренкова с рисунка
Г. Полтавцева

«Искра», 1859, № 47

Грав. П. Куренкова.

— Понка, негодяй! когда ты перестанешь либеральничать?
П о л т а в ц е в. Дай денег, дай чина!

хий мир» — крепостной строй, приведенный, в представлении либералов, в «развалины» реформой 1861 г. Потребность на этих развалинах «создать новые монументы и искать примирения» — позиция дворянских либералов, удовлетворенных исходом реформы, славословящих власть, вступающих с ней в соглашение перед лицом общего врага — народной революции.

Щедрин отделяет Писарева — искреннего демократа, при всех своих заблуждениях, — и от либералов и от других сотрудников «Русского слова». Он относит его к числу критиков «строгих» и «наименее благосклонных к свиным рылам». Но Щедрин дает понять, что объективно Писарев подкрепляет усилия либералов, ищущих «примирения» с властью и стремящихся соорудить «новые монументы» во славу несправедливого строя. Сближение Писарева с либералами идет в публикуемой рецензии скрыто и без упоминания его имени.

«Публицисты и беллетристы львовской школы» следующим образом доказывают «несвоевременность» и «несправедливость» сохранения «отрицательного отношения» к пореформенной русской действительности. «Они, — пишет Щедрин, — прямо говорят отрицателям: ерете вы все со своими свиными рылами! Свиные рыла бывали прежде, но теперь с ними все счеты покончены...». Это — все та же позиция либералов, удовлетворенных реформами. Либеральные критики недоумевали, почему сатира Щедрина и после 19 февраля продолжала бить по крепостному праву. Так, Анненков упрекал Щедрина в том, что «по окончании дела», то есть крестьянской реформы, он «снова возвращается к упраздненному крепостному праву, даже к прежде бывшим формам его, и возвращается не как строгий историк, а опять с жаром и пылом бойца и сатирика» (П. В. А н н е н к о в. Сочинения, т. II. СПб., 1879, стр. 256). В том же упрекал Щедрина и Писарев. «Все внимание сатирика, — писал он в «Цветях невинного юмора», — направлено на вчерашний день и на переход к нынешнему дню; хотя этот переход совершился очень недавно, но он очевидно составляет для нас прошедшее, совершенно законченное и имеющее чисто исторический интерес...» (Д. И. П и с а р е в. Указ. изд., т. II, стр. 357). Таким образом, и Анненков и Писарев равно не понимали, что тема крепостного права никогда не была для Щедрина темой только исторической.

Щедрин и другие революционные демократы знали, что реформы отнюдь не ликвидировали крепостнических отношений в стране. Признание феодального строя «вчерашним днем», всецело отошедшим в прошлое, отменяло необходимость революционной борьбы с крепостничеством, духом которого, как указывал Ленин, была пропитана вся пореформенная русская жизнь.

Затрагивают Писарева и те места в рецензии, где речь идет о занятиях «скромной наукой». В годы спада демократического движения литература «благонамеренных усилий» особенно старалась давать привлекательные для молодого поколения образцы положительных героев, находящих свое призвание вне сферы политических интересов—в «скромной науке», в «бескорыстной службе». В статье 1863 г. «Драматурги-паразиты во Франции», говоря о режиме Наполеона III, но имея в виду прежде всего русскую общественную жизнь в момент ее реакционного перелома,—Щедрин писал: «...читатель с некоторым изумлением спрашивает себя: ужели в самом деле время политических интересов миновало? ужели французы <читай: русские.— С. М.> в самом деле до такой степени счастливы, что могут спокойно предаваться спокойному труду? Ужели возможны и там какие-то безличные Вертяевы, всласть твердящие о труде скромном, о труде неслышном? Нет, это только самообольщение; нет, это сон. Конечно, везде могут найтись люди, которые охотно смеются над интересами политическими, и смеются не просто по страсти к зубоскальству, а во имя других, более плодотворных интересов, которые будто бы затмеваются политическими; однако ж, здесь забывается одно весьма важное условие, а именно, что разработка политических интересов приготавливает почву для тех „других“, о которых так много заботятся. Здесь, очевидно, забывается то, что, отклоняя политические интересы, мы вместе с тем отдаляем и „другие“. Ясно, что тут есть ошибка, ошибка, быть может, не преднамеренная, но все-таки ошибка» (V, 212).

Щедрин считал, что в своих статьях 1863—1864 гг. впал в эту ошибку и Писарев. Именно этой ошибкой он объяснял отрицательное отношение Писарева к своей сатире с ее ярко выраженными политическими интересами. «Кто отвлекает молодежь от этого дела <то есть отвлекает политикой от научных занятий>, тот вредит общественному развитию»,—писал Писарев (указ. изд., т. II, стр. 365).

Ошибка Писарева происходила из свойственных ему в это время утопических представлений о возможности демократических и социалистических преобразований России (это и есть «другие» интересы) без революции, без политики, одним только «положительным методом» пропаганды научных знаний.

Призывы либералов к мирному культурничеству, к отходу от политики, к поддержке правительства определялись их удовлетворенностью реформами.

Однако, несмотря на это коренное различие в исходных позициях Писарева и либералов, они близко сходились в тот момент в своих тактических планах: «...ищем чего-нибудь положительного; достаточно разрушить, будем создавать».

На это опасное для Писарева и всей группы «Русского слова» сходство с либералами, обратившимися к «благонамеренным усилиям», Щедрин без всяких обиняков указал в самом конце того раздела публикуемой рецензии, который был запрещен.

Он вкладывает здесь в уста «благонамеренного» литератора Устрялова, чью пьесу он разбирает *, такое сближение группы Писарева — Зайцева с группой Каткова: «...нет, мы не отрицатели и не разрушители, но скромные создатели, действующие иногда по рецепту „Русского слова“, а иногда по рецептам „Русского вестника“».

Публикуемая рецензия обогащает тот важный раздел сочинений Щедрина, где отразилось обострение классово-идеологической и групповой идеологической (в демократической среде) борьбы после 1863 г., после крушения надежд на близкое крестьянское восстание.

* Другая пьеса Устрялова «Слово и дело» того же направления «положительного нигилизма» была разобрана Щедриным в первой статье «Петербургские театры», появившейся в № 1-2 «Современника» 1863 г. (V, 144—150).

ЧУЖАЯ ВИНА

Комедия в пяти действиях. Ф. Н. Устрялова.

С.-П.—бург. 1864 года

С легкой руки г. Львова (автора комедии «Свет не без добрых людей») в российской литературе образовался новый род сочинительства, который все более и более ищет в ней утвердиться. Русские сочинители убедились, что относиться отрицательно к жизненным явлениям невозможно, что это занятие фальшивое и невыгодное, что, наконец, в виду известных данных, громко вопиющих о прогрессе, оно не только не своевременно, но и несправедливо. Из всех этих соображений, конечно, всего более веса представляет то, которое говорит о невыгодности отрицательного отношения к жизни. Действительно, писатель, который не умеет отличить прогресса истинного от прогресса преувеличенного и не понимает, что первым следует удовлетворяться, а второго избегать, едва ли может иметь много шансов на устройство своей карьеры. Благовоспитанное большинство (то самое, которое держит в своих руках писателя) любит понежиться и отдохнуть от трудов по части прогресса и потому с недоверчивостью и нетерпением смотрит на тех, кои действуют слишком назойливо и настоятельно. Всякому действующему в этом смысле на литературном поприще оно говорит: погоди! разве ты не видишь? и если деятель продолжает не видеть, то без церемоний отменяет его от общения с жизнью и от участия в ее увеселениях. Стало быть, невыгода здесь несомненная и очевидная. А затем уже следуют и прочие соображения: о несвоевременности отрицания, о его несправедливости и о том, что «это, наконец, уж слишком». Они, разумеется, тоже хороши и справедливы, но все-таки несколько слабее предыдущих, ибо не всякому уму доступны.

Итак, русские сочинители убедились, что отрицательное отношение к действительности невыгодно, и, убедившись в этом, бросились отыскивать в русской жизни так называемые положительные стороны. Это искание в одинаковой степени отразилось и в нашей публицистике, и в нашей беллетристике. Публицисты отыскивают положительные стороны путем умозрения, беллетристы — путем художественного воспроизведения; первые находят искомое в тех указанных правах и обязанностях, которыми в данную минуту пользуется общество; вторые — в тех живых типах, которые служат воплощением упомянутых выше прав и обязанностей. Но у всех у них один родоначальник — г. Львов, автор комедии «Свет не без добрых людей». Он первый указал, что и в становой приставе есть нечто положительное, первый изобразил, что в установлении управления благочиния можно отыскать высокий, нравственно-консервативный смысл, если чиновники ее будут заниматься своим делом неленостно и нелицеприятно.

Публицисты «Голоса» и «Московских ведомостей», а также романисты и драматурги, действующие под их обаянием, обязаны помнить это и не слишком-то заноситься мечтами о том, что они новаторы. Все эти Русановы, Вертяевы и тому подобные представители «хорошего направления», все эти разглагольствования о том, что божий мир прекрасен и что людям остается только скромно себя вести, совсем не ими выдуманы, а г. Львовым. Они в этом случае являются лишь пропагандистами — правда, пропагандистами очень полезными, доведшими тип приветливого и исполнительного начальника отделения до высшей степени ясности, — но все-таки только пропагандистами, а отнюдь не инициаторами.

В самом деле, мудро и не соблазниться перспективами, открытыми г. Львовым. Что усматривает перед собой писатель, действующий на почве

отрицательной? Он, по выражению Гоголя, усматривает одни «свиные рыла». Чем подчует и с чем знакомит он своих читателей? Он подчует и знакомит вас с теми же свиными рылами. Ясно, что таким свинорыльством удовлетвориться нельзя. Даже критики строгие и наименее благоклонные к свиным рылам, как, например, г. Писарев, и те советуют оставить их в покое, и те говорят: довольно! давайте-ка, поищем чего-нибудь положительного; достаточно разрушать, будемте созидать! Это и понятно: русская литература так долго и так усердно занималась отрицанием и разрушением, что дальновидные люди должны были, наконец, убедиться, что отрицать больше нечего, что ветхий мир уже в развалинах и что на этих развалинах следует создать новые монументы и искать примирения. Вот этой-то последней потребности и взялись отвечать публицисты и беллетристы львовской школы. Они прямо говорят отрицателям: врете вы все со своими свиными рылами! Свиные рыла бывали прежде, но теперь с ними все счеты покончены; теперь у нас есть милые молодые люди, скромно занимающиеся «наукою» или же приносящие пользу отечеству бескорыстною службой и приветливым обращением с просителями!

Следовательно, надо созидать и отыскивать в жизни типы положительные — этого же убеждения, вместе с г. Львовым и его последователями, держится и г. Ф. Н. Устрялов. Чтобы доказать эту истину, он в 1862 г. написал комедию «Слово и дело», в которой изобразил, что нынешние молодые люди совсем не имеют в себе ничего подозрительного, что, напротив того, это просто малые дети, любящие читать книжки. Мысль эта до того ему понравилась, что в нынешнем году он решился подкрепить ее новою пятиактною комедией, которой заглавие выписано выше. Эта комедия так же, как и первая, написана на тему неподозрительности, с тою только разницей, что в первой комедии герой ее, Вертяев, доказывает свою неподозрительность тем, что занимается какою-то «наукою», а во второй — некто Зарновский ту же неподозрительность доказывает тем, что едет в Сибирь в качестве управляющего золотыми приисками с жалованьем в пять тысяч рублей. В обоих случаях г. Устрялов говорит: нет, мы не отрицатели и не разрушатели, но скромные созидатели, действующие иногда по рецепту «Русского слова», а иногда по рецептам «Русского вестника».

Но расскажем содержание новой комедии.

Сцена открывается в семействе Возницыных, состоящем из Петра Степановича, жены его, Марьи Васильевны, и дочери их, Верочки; к этому же семейству прикомандирован в качестве родственника и благодетельного гения отставной капитан Платон Степаныч Возницын. Нравы у этих людей следующие: Петр Степаныч — дурак; Марья Васильевна — дура; Верочка — глупа, но может в конце пьесы исправиться; Платон Степаныч — едва ли не глупее прочих, но в нем глупость умеряется добродетелью и вследствие того приобретает вид еще более тошный. При открытии занавеса лица эти занимаются разговором о том, что пора выдать Верочку замуж и что имеется уже в виду достойный жених в лице Николая Алексеича Зарновского, у которого хорошее место по службе и который «должен скоро выиграть процесс и сделаться миллионером». Поговоривши, эти люди расходятся, кроме Платона Степаныча, который выпытывает у Верочки ее тайну, и узнает, что Зарновский ей не противен. При этом оказывается, что Верочка воспитывалась в институте и до того уже невинна, что даже не знает, что «в жизни не одни туфли бывают». Платон Степаныч, с своей стороны, тоже не может растолковать, что такое бывает в жизни, кроме туфель, и таким образом разговор мог бы принять самые упомрачительные формы, если б он не был прерван приездом Зарновского и его начальника, барона Талецкого. Нравы сих новых людей та-

ковы: Зарновский — умен, приветлив, бескорыстен, обладает хорошим слогом и жаждет заняться «делом»; Талецкий — пронырлив, любит полиберальничать, но в сущности взяточник. Затем приезжают еще: Данкова, племянница Талецкого, женщина легкого поведения, и некто Стожников, молодой человек окончательно малоумный. Все эти лица несколько времени между собой разговаривают и разъезжаются. Первое действие кончено.

«НЕОЖИДАННАЯ ГОСТЬЯ»

Карикатура на чиновников, испуганных появлением «Неожиданной гостьи» — Фемиды (правосудия)

Рисунок И. Ф. Шестакова, литография А. Т. Скинпо, 1858 г.

Исторический музей, Москва

Второе действие — через три месяца. Зарновский женат на Верочке, но процесс он проиграл, и все его ресурсы заключаются в службе. Нечего и говорить, что он по-прежнему умен, приветлив и бескорыстен, но Верочка начинает пошалить. Она с утра до вечера шатается по знакомым и этим значительно огорчает своего супруга и добродетельного дяденьку Платона Степаныча, который очень часто ее вразумляет, но вразумить не может, потому что сам ничего не понимает. Пользуясь стесненным положением Зарновского и шаловливостью Верочки, подрядчик Медный предлагает ему денег за какое-то «подлое» дело, но Зарновский, оставаясь приветливым, по обыкновению от взятки отказывается. Приходит Верочка, и Зарновский выговаривает ей за то, что она слишком часто выезжает и преимущественно с Стожниковым, и в заключение говорит, что «пора, наконец, это кончить». «Отчего же ты на мне женился?» спрашивает его Верочка. «Оттого, что ты — примирение», — отвечает Зарновский и, сказавши эту глупость, убегает, спеша застать дома какого-то нужного человека. А Медный только и ждет его ухода, чтобы явиться

в виде змия-искусителя к этой новой Еве. Он предлагает ей дорогую шаль; Верочка сначала колеблется, но потом как-то так делается, что шаль остается у нее. Входит Зарновский, который не застал дома нужного человека (вечно эти скромные труженики никого дома не застают!) и видит на жене шаль. Происходит следствие, и юная лихоимица окончательно посрамляется.

Действие третье. Верочка не исправилась, потому что ее сбивает с толку развратная Данкова, которая уговаривает ее разлюбить мужа и обратить внимание на Стожникова. Входят Зарновский и Талецкий; последний требует, чтобы дело Медного было решено в пользу просителя, но Зарновский не соглашается и изъявляет намерение выйти в отставку. Естественно, Талецкий уходит со сцены взбешенный, и вслед за ним оставляет сцену и Зарновский, потому что его ждут в кабинете. Является Верочка и за ней Стожников; происходит сцена нежничанья, в заключение которой Стожников целует у Верочки руку. На этом застают их Зарновский. Приезжают: Петр Степаныч, Марья Васильевна и Платон Степаныч и взапуски друг перед другом говорят чепуху.

В четвертом действии Зарновский, оставшись без службы и проигравши процесс, отправляется в Сибирь в качестве управляющего золотыми приисками. Верочка, однако ж, за ним не следует, а остается в Петербурге. В пятом действии Верочка оказывается падшею женщиной, и Зарновский узнает об этом. Он приезжает в Петербург, но, как истинный создатель, не только не огорчается своим супружеским положением, а усматривает в падении жены лишь новый способ выказать свою неподозрительность. Он прощает. Верочка схватывает его руку и целует ее.

Вот голый остов новой комедии г. Устрялова. Но, употребляя выражение «голый остов», мы сознаемся, что оно не совсем верно. Есть такие литературные произведения, для которых не может существовать «голового остова», которые сами по себе составляют такой голый остов, дальше чего идти совершенно невозможно. Трудно себе представить что-нибудь тошнее и неестественнее этих бесконечно тянущихся, бессодержательных разговоров, этих преднамеренных появлений и исчезновений действующих лиц, которых автор высылает на сцену единственно в том соображении, что надо же как-нибудь и чем-нибудь сцену занять. И над всем этим царствует кисло-сладенькая мораль о каком-то таинственном «деле», из которого должна произойти невеста какая польза, но которое, если поразобрать хорошенько, не стоит выеденного яйца.

Итак, вот куда к каким результатам приводит нас сочинительство, ищущее положительных сторон в русской жизни. Оно говорит: довольно отрицать, будемте созидать, и, в подкрепление своей мысли, высылает на нас целые сонмы теней в виде Вертяевых, Русановых, Зарновских, стреляет руководящими статьями «Московских ведомостей» и «Голоса» и подчует «скромною наукой»... Доказывают ли что-нибудь, удовлетворяют ли кого-нибудь благонамеренные усилия? Нет сомнения, что доказывают и удовлетворяют, ибо спрос на «скромную науку», очевидно, усиливается. Но что именно доказывают и кого удовлетворяют — это вопрос особый, разрешение которого в тесных пределах библиографической статьи было бы не совсем у места.